

М. Я. СЮЗЮМОВ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СЕПАРАТИЗАЦИЯ

Когда мы изучаем прошлое, то объектом нашего познания давно прошедших времен является отражение в глазах людей того времени действительности, поскольку она отображается в письменных памятниках, в остатках предметов прошлого. Изучая эти материалы, мы, так сказать, перехватываем от наших предков отражение в их сознании конкретной действительности. Но воспринимая действительность прошлого, мы получаем отображение не только реальных явлений, но и элементов сознания субъектов, воспринимавших тогда эти явления. Феномены прошлого мы изучаем в том отображении, которое отображало и объекты и самого субъекта. Нам следовательно необходимо изучать объекты прошлого, но с поправкой на то, каким образом, в каком виде и в каком понимании они тогда отображались.

Таким образом, мы должны ставить перед собой две задачи — понять явление не только с точки зрения нашей современной науки, но и понять то отображение действительности, как понимали наши предки, которые делали историю в таком направлении, какое им представлялось в отображении мира в их познании. Мы можем впасть в две крайности: с одной стороны, стремясь объяснить с точки зрения современных наших понятий подобные явления прошлого, мы можем невольно перенести специфические черты нашего строя на прошлое и тем полностью извратить истинное состояние явлений прошлого... Это было бы модернизацией.

Но с другой стороны мы можем впасть и в другую крайность — излагать прошлое только в том понимании, которое передано в источниках, не считаясь с понятиями нашего времени. Это было бы установкой резких граней между прошлым и настоящим. Это было бы, так сказать, сепаратизацией прошлого от настоящего, не считаясь с тем, что в настоящем в производстве и в науке скрыт объективизированный труд¹ мозга и мышц прошлого. Очевидно, чтобы не впасть в эти крайности, историк должен обладать особым даром «негативной эвристики»².

Конечно, проводящий в своих трудах методологию ленинского историзма и обладающий чувством исторической реальности историк может и не сделать этих ошибок и пройти между Сциллой модернизации и Харибдой сепаратизации. Но необходимо глубже вникнуть в сущность этих двух полюсов познавательной деятельности в области изучения пути развития человечества от отдаленного прошлого до современности в свете марксистской методологии.

Стремление избежать в исследовании прошлого как модернизации так и сепаратизации не может быть полностью разграничено и сливается в единый познавательный акт.

* * *

В противоположность некоторым направлениям зарубежной историографии (под влиянием Тойнби) марксистская историческая наука неотделима от периодизации всемирного исторического процесса, основой которой является как конечная причина способ производства. В марксистской периодизации вся история человечества проходит определенные формации, представляющие собой отдельные периоды, подчиненные своим закономерностям, причем эти закономерности соответствуют способу производства, прямо или опосредованно, организуют все процессы, проходящие в недрах формации, оказывают воздействие на характер общественных институтов, на разделы науки, на направление идеологии и на отношения между людьми, на своеобразный характер и моральный облик человека с его потребностями и мыслями. Переносить на прошлое все то, что является особенностью капитализма, не учитывая совершенно воздействие закономерностей прошлой формации, было бы недопустимой модернизацией. Так, видеть в феодальном поместье своеобразный аграрный капитализм, как это выражено в школе А. Допша, — значит переносить закономерности капитализма на феодальное общество и извращать особенности феодальной формации. Видеть в отдельных фактах предпринимательства в рабовладельческом обществе капитализм, как это проводит школа Эдуарда Мейера, тоже является ненаучной модернизацией.

Основная цель модернизации в буржуазной историографии совершенно понятна. Считая современные порядки капиталистического общества единственно приемлемыми и полезными, буржуазные историки приходят к положению о том, что такие порядки извечны и потому не подлежат изменениям, т. е. направлены в основном против социалистических идей. «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современного общества на все времена и народы»³.

Модернизация может проводиться и в завуалированной форме. Основываясь на том, что, начиная с позднего средневековья, западные романо-германские народы вышли на первое место в отношении прогресса, германистские историки приписывают германцам черты культурного преимущества как особое расовое свойство самой ранней древности, и основы поздней западноевропейской цивилизации видят уже в германском родоплеменном обществе времен Цезаря и Тацита. Такую модернизацию можно назвать *ex eventu*. Исключительное преувеличение роли германских племен, разрушавших римскую городскую культуру, тоже представляет собою подобную модернизацию в концепциях. Истоки европеизма тоже кроются в модернизации *ex eventu*. Поскольку начиная со времен Возрождения европейская культура безусловно вышла вперед по сравнению с государствами Азии и Африки, то внимание историков человечества сконцентрировалось только

на развитии европейской цивилизации, капиталистический строй которой представляется как бы вечной нормой для мирового порядка. Но нужно отметить как модернизацию и особый подход к народным движениям прошлого, которое встречается в нашей советской литературе. Мы можем назвать подобную модернизацию «эмоциональной». Так исходя из вполне понятных увлечений героизмом в выступлениях народных масс, им приписываются совершенно несвойственные прошлому времени черты — сознательность, организованность, политическая дальновидность, самостоятельность, не принимая во внимание, что выступлениям народных масс в прошлом нельзя приписывать черты, характерные только для времен буржуазно-демократической и социалистической революции. Указывая на сплоченность ведения борьбы у пролетариата, В. И. Ленин писал: «Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, никогда не могли создавать сознательного большинства руководящих борьбой партий, не могли понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории оказывались пешками в руках господствующего класса»⁴.

Совершенно естественно, что советский историк не может не быть эмоциональным, не может совершенно безучастно относиться к фактам классовой борьбы в прошлом. Но дело в том, что некоторые историки свое сочувствие угнетенным проявляют тем, что вкладывают в оценку народных восстаний такие положения, которые были не свойственны народным массам прошлого. Угнетенные использовали любые возможности выступить против бесправия, эксплуатации, голодной жизни. И поэтому они присоединялись и к выступлениям «апостасии», т. е. за претендента на престол, надеясь поставить «хорошего» царя вместо «плохого». Массы выступали также за проповедников еретического движения, полагая, что ересь — более угодная богу религия, чем существовавшая официальная церковь. Но нельзя этим выступлениям масс придавать такую же самостоятельность и сознательность, как в новое время... Когда апостасии или ересь побеждали, весь общественный строй оставался в сущности прежним...

Не обязательно модернизацию понимать, как перенесение на прошлое характерных черт только капитализма; понятие модернизации в сущности можно расширить. Всякое перенесение на прошлое, на предшествующие формации специфических черт более передовых формаций и соответствующие выводы из этого — тоже модернизация. Подобно тому, как было бы модернизацией видеть капитализм в наемном труде, существовавшем в древности, такой же модернизацией было из фактов наличия земельной зависимости в варварском и рабовладельческом обществах делать вывод о наличии там феодализма. Так, шовинистическая германская историография видит наличие феодальных институтов уже у древних германцев времен Тацита!

Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду, или почти всюду, где за-

Воеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»⁵

Было бы слишком узко и неисторично считать, что рабовладельческий способ производства ограничивался только индивидуальным рабством отдельных лиц. Порабощались не только отдельные лица, но и целые племена и народы. Пока у завоевателей собственное хозяйство было слабо развито, именно эта форма порабощения и преобладала. По мере развития хозяйства привлечение пленных к бытовым услугам перешло в основу производства в рабовладельческой формации. Тогда индивидуальный раб *servus* стал получать особый юридический статус в отличие от свободнорожденного, каким оставался даже житель поработленного народа. При наличии развитого хозяйства у поработителей тем не менее подчинение народов было таким же обязательным, как и отдельных лиц. Побежденные народы состояли в подчинении в форме различных градаций зависимости, от *cives sine suffragio* до *dedititii*. Продукт труда рабов, способный прокормить господина, не в состоянии был покрыть все нужды рабовладельческого государства, и покоренные народы должны были платить дань совершенно в отличном от феодализма порядке.

Именно в недрах узкого понимания античного способа производства как исключительно индивидуального рабства и возникают теории раннего дорабовладельческого феодализма и теории перехода к феодализму помимо рабовладельческой формации. Любую форму личной зависимости в последней фазе родоплеменного общества нельзя рассматривать как тенденцию к феодальному вассалитету или как наличие феодального способа производства. Подобная модернизация не учитывает основного в феодализме — его прогрессивность в системе периодизации истории человечества.

Хотя буржуазная историография широко использует в своих классовых целях модернизацию прошлого, тем не менее, в некоторых случаях под флагом борьбы против модернизации она выступает против марксистского понимания исторического процесса. Так, западногерманский историк Отто Бруннер⁶ объявил модернизацией марксистское понимание классового общества в докапиталистическом прошлом, поскольку, по мнению Бруннера, нельзя классовую структуру общества, изученного К. Марксом в «Капитале», переносить на прошлое!

* * *

Обвинения авторов в модернизации часто появляются в рецензиях и статьях. Однако в теоретическом аспекте совершенно не встречаются выступления против противоположной тенденции — сепаратизации одних периодов от других в истории человечества. Это вполне понятно, так как советская историография ведет борьбу против стремлений буржуазной историографии не признавать теорию сменяющихся прогрессивных формаций. В буржуазной историографии характерным для сепаратизации является школа Л. Ранке, с его основным тезисом «*wie es eigentlich geschehen*»⁷.

В советском обществе наиболее ярким проявлением тенденции сепаратизировать новый период истории от старого является идеология «Пролеткульта» в первые годы после Октябрьской революции. Особые, фактически экстремистские, организации «Пролеткульт», «Лев», «На посту» полностью отрицали связь новой социалистической культуры с достижениями прошлого. Отвергалась вся ценность объективизированного труда прошлых поколений и понятие всемирно-исторического прогрессивного развития. «Сожжем Рафаеля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы» — провозглашал популярный в то время поэт Кириллов. В понимании пролеткультовцев достижения прошлого только мешают самостоятельному росту пролетарской культуры! «Пролетарская» культура трактовалась как совершенно независящая от прошлого⁸. Это сепаратизация в самом чистом виде. В отношении прошлого могли быть только деструктивные акты!

Самые решительные выступления против такой сепаратизации выдвинул В. И. Ленин в своих известных высказываниях против Пролеткульта. «Марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры». В. И. Ленин считал необходимым отвергнуть «как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру...»⁹ Конечно, каждая формация представляет собой организм *suī generis*, со своими закономерностями; каждая формация, притом, является отрицанием прошлой формации. Именно на этом, главным образом, и основана сепаратизация в советской историографии. Однако такое «голое» отрицание ничего общего не имеет с диалектическим отрицанием, которое является не только отрицанием отжившего прошлого, но и моментом связи, моментом развития с удержанием положительного, развивающегося, подлежащего адаптивированию.

Мы знаем, что несмотря на единство в темпах и направлении, компонентами развития формации являются и пережитки прошлого и элементы будущего¹⁰, как силы тормозящие или стимулирующие к прогрессу. Институты прежней формации адаптируются новой формацией, приспособляются, развиваются или отмирают.

Сепаратизацией фактически отвергается наличие общественных институтов и явлений, общих для многих формаций, получающих особые характерные особенности под влиянием закономерностей в каждой формации. Таковы такие общественные институты как государство, город, деревня и их противоречия, наемный труд, частная собственность. Принципиальное проведение сепаратизации в историческом исследовании является совершенно ненаучной, немарксистской установкой.

* * *

В чем же теоретическая основа обвинений в модернизации и проведение в исследованиях сепаратизации? Нам кажется, что все эти положения исходят из соображения, которое предоставляется аксиомой: нельзя использовать понятия настоящего для анализа общественных институ-

тов, идеологии, психологии общества прошлого, нельзя вводить в анализ прошлого те понятия и терминологию, которые были незнакомы людям того времени. Но стоит только вникнуть в эту аксиому, чтобы сразу же удостовериться в ее непоследовательности. Ведь никто из марксистов не сможет опровергнуть, что в настоящее время мы имеем дело с такими понятиями, которые не существовали в далеком прошлом. Например: производительные силы, производственные отношения, прибавочный продукт, базис, надстройка, натуральное хозяйство, эксплуатация человека человеком, классовая борьба. Однако без использования этих архисовременных понятий вряд ли мы по-научному можем понять сущность явлений, общественных институтов и идеологии античности, феодализма и капитализма.

*
*
*

В историческом анализе научное понимание общественной жизни прошлого подчиняется общим закономерностям познания: оно проходит от явления к абстрактной сущности, от относительной истины — к абсолютной, причем основой этого процесса является опыт, материальная практика в процессе развития человечества.

Безусловно, этот познавательный процесс от явления к его абстрактной сущности был вначале весьма примитивным, и понадобились многие века развития производительных сил и отношений, развития наук, чтобы от менее истинного понимания сущности перейти к более углубленному. Поскольку абстракция возникает в сознании при отражении множества подобных, но не тождественных единичных явлений, отличающихся в деталях форм, сущность многоформна. Поэтому так медленно и шло терминологическое оформление понятий в прошлом. Так реальный факт эксплуатации человека человеком проявлялся в различных формах в античности; люди осознавали этот факт, но объясняли его действием Тихи, рока, ловкости человека обходить друг друга¹¹, и потребовалось много столетий, вплоть до сенсимонистов, чтобы оформилось это понятие сущности многовекового явления с точки зрения классовой борьбы.

Отдельные типы явлений исторически изменяются, проходя различные этапы развития от формации к формации, количественно увеличиваясь или уменьшаясь в зависимости от соответствия закономерностям формации. Сущность данных явлений сохраняет относительную устойчивость, определяющую общее на различных этапах развития и в различных ситуациях. Такие абстрактные понятия, как например, наемный труд, имеют силу для всех эпох классового строя. Но оформляются такие абстракции в полноте, в языке, в теориях общественного развития только тогда, когда данное явление разовьется в полной мере. И после того, как сформулируется это абстрактное понятие, нам делается яснее именно то, что представляла собою сущность данной категории в прежние века. Таким образом мы переносим относительно истинное наше понимание явления в абстрагированно-теоретическом

виде и на прошлое. По К. Марксу, «буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех формах видят формы буржуазные... Новейшая форма рассматривает предыдущее как ступени в себе»¹².

Именно такие институты, как наемный труд, собственность и т. д. можно рассматривать как ступени к капиталистической экономике. Так, наемный труд в античное время и при капитализме остается в сущности тем же использованием чужого труда работодателем — собственником на средства производства и объект приложения труда. Однако в капиталистическом обществе наемный труд используется в совершенно иной обстановке, ином единстве производительных сил и производственных отношений, в результате чего этот институт приобретает даже при сохранении внешних форм (соглашение, заработная плата, формы борьбы) совершенно иную специфику. Место в хозяйстве, роль в общественной жизни, перспективы развития этого института в античности были совсем иными: наемные работники тогда не представляли собою класса, в обществе их положение было среди других производственных отношений почти незаметным, они не имели фактически никакой силы для борьбы против эксплуатации. Только марксизм вскрыл тайну сущности этого института.

Ф. Энгельс писал: «...наемный труд, в котором скрыт уже в зародышах весь капиталистический способ производства, существует с давних времен: в единичной случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством»¹³. И потому рассматривать этот институт в историческом исследовании следует с точки зрения эксплуатации наемного труда, а не так, как понимали люди того времени, считавшие, что *locator* — *mercennarius* — работник, с одной стороны, и *conductor* — собственник объектов приложения труда — с другой, стараются, каждый в свою пользу, ловко обойти «справедливую цену». Понятие эксплуатации человека осознавалось, но не признавалось в праве: лишь при грубом нарушении справедливой цены (т. е. на 50%) возможно было добиваться вмешательства суда по формуле *laesio enormis*, т. е. все сводилось как бы к какому-то соревнованию в ловкости при составлении соглашения, а эксплуатация труда не понималась вовсе. Только в результате многовековой исторической практики и развития мысли оказалось возможным более близкое к абсолютной истине понимание явления эксплуатации труда. В. И. Ленин писал: «Истина — есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику»¹⁴.

Но нельзя постичь истину явления, изолировав его в изучении от прочих явлений. Ни одно явление, ни один общественный институт, ни один процесс не могут быть выделены из окружающей среды. Явление и обстановка, в которой оно свершается, представляет собою некое единство. Все конкретное связано со всеобщим. Это понимали древние греки, οὐδὲ χωρὶς ἔστιν εἶναι, ἀλλὰ πάντα παντὶ μοῖραν μετέχει. (Анаксимандр). Именно эта связь отдельного явления с окружающей обстановкой в целом дает понимание о месте явления в общей структуре данного периода истории человечества: «каждое понятие находится в известном отношении в известной связи со *всею* остальным»¹⁵.

Именно понимание этой связи абстрактного явления «со всем остальным» в данный период развития человечества и представляет собою специфику. Понятие специфики шире, чем понятие формы, поскольку в понятие специфики входят и образующие ее влияния обстановки, влияния условий, влияния закономерностей данной формации. Явления, переходя в своей сущности от одной формации к другой, попадая под действие закономерностей новой формации, приобретают особую, присущую только данной формации, специфику.

Специфика может быть горизонтальной, например, наемный труд в сельском хозяйстве, на строительстве. Но с точки зрения понимания сущности наемного труда важно именно вертикальное изучение института (наемный труд в рабовладельческом обществе, в феодальном, в капиталистическом), что именно и придает данной формации характерные особенности института или процесса. Наемный труд в античное время в условиях превалирования рабовладения имел особую специфику, нежели при капитализме, когда вся экономика общества стала покоиться на наемном труде.

Поскольку можно и должно использовать наши современные понятия о сущности наемного труда для анализа прошлого, постольку нельзя применять элементы *специфики* капиталистического наемного труда при изучении древности. Если мы специфику капиталистического наемного труда будем переносить на прошлое и видеть наличие класса пролетариата в поздней античности, как М. Ростовцев и К. Кауцкий, то это будет явной модернизацией, неумением или нежеланием отличать специфику от сущности и формы.

Сущность модернизации не в утверждении, существовал ли тот или иной институт. Это дело фактической истории. Модернизация же в концепциях, в выводах.

Именно *перенесение специфики явления, которая является отражением закономерности данной формации, на другую формацию* приводит к абсолютно ненаучным выводам, которые использует зарубежная литература в проповеди антикоммунизма. Так, К. А. Виттфогель, приводя некоторые аналогичные параллели древневосточного общества с современностью (плановые мероприятия древних восточных государств — постройки пирамид, оросительные мероприятия, гигантские дворцы) делает вывод, что социалистические государства — восточные деспотии.

В данном случае Виттфогель¹⁶ специфику восточных мероприятий, проводимых в формации «азиатского» способа производства, намеренно переводит на социалистические мероприятия. Постройки пирамид и оросительная система древности проводились в обстановке полного бесправия, тогда как специфика социалистических хозяйственных плановых мероприятий — демократическое управление, что Виттфогель сознательно желает отвести, перенося специфику древности на социалистическое общество.

Отказ от определений исторически существовавшей специфики явления в разных формациях является отказом от историзма, от глубинных исследований и заменяется либо полной сепаратизацией аналогичных явлений, культур, цивилизаций, либо перенесением специфики настоящего на прошлое и обратно. Именно это можно отметить в трудах некоторых зарубежных историков¹⁷.

* * *

Характерным для сепаратизации является положение о недопустимости использования вертикальных аналогий в исследовании. Е. М. Штаерман в статье «Античное общество. Модернизация и исторические аналогии»¹⁸ категорически отрицает допустимость использования вертикальных аналогий. Но в своих рассуждениях она опирается только на несравнимость специфик какого-либо явления или института, совершенно отбрасывая сущность явления. Так, например, она считает, что в античном мире не было партий¹⁹ «в современном смысле слова...», т. е. указывает только на специфику современных партий и не касается глубокой сущности партий как организаций (легальных и нелегальных) активных членов класса или отдельной его прослойки для выступлений протеста против существующего или защиты его. Специфика структуры партий безусловно изменяется в разных формациях, но историческая роль этого общественного института как в античности, так и при феодализме может познаваться только по вертикальным аналогиям. Подобные аналогии встречаются в трудах классиков марксизма²⁰.

Сепаратизация часто приводит к стремлению «обеднить» прошлое. Так, среди отдельных историков имеется тенденция отрицать наличие социальных революций в древности, суживать понятие социальной революции²¹, поскольку имеется в виду специфика революций в новое время, а не сущность социальных революций вообще. По В. И. Ленину, «...всякий политический переворот, если это не смена клика, есть социальная революция, — вопрос только в том, социальная революция какого класса»²². На основании вертикальных аналогий мы убеждаемся в реальном бытии явлений, общественных институтов, общих не только для отдельных формаций, но и для всего времени существования классового эксплуататорского общества.

* * *

Чем богаче становится историческая практика, чем дальше мы продвигаемся по пути прогресса, чем точнее становится язык и терминология, тем яснее нам делается прошлое. В свете настоящего мы ближе к

истине представляем весь пройденный путь. Октябрьская революция ввела мир в преддверье бесклассового общества. По выражению К. Маркса, предыстория человечества заканчивается. Историография должна этот факт учитывать. Если, живя в капиталистическом мире, нам нужно было в первую очередь отличать, какие закономерности отделяли капитализм от феодализма, то в настоящее время перед нами стоит новая задача — противопоставить закономерности, присущие классовому обществу вообще, закономерностям развивающегося бесклассового общества. Другими словами: если мы в свое время стремились в первую очередь искать специфику капиталистического общества, закономерности, действовавшие специфически в античном и феодальном обществах, исследовать особенности обществ в этих формациях, то в настоящее время центр внимания должен быть перемещен на то общее, что характерно было для классового общества в целом.

* * *

Проблему модернизации и сепаратизации, таким образом, можно решить только путем глубокого анализа социальной сущности данного института и в то же время считаясь со спецификой, основанной на действии закономерностей данной формации.

Сущность общественных институтов прошлого постигается в вертикальном изучении подобных явлений в различных формациях классового строя. Специфика устанавливается на основании горизонтальных исследований конкретных явлений одной формации и не подлежит перенесению ни на прошлое, ни на будущее. В этом, мы полагаем, можно избежать и модернизации и сепаратизации, что особенно важно для изучения закономерностей, общественных институтов и идеологии классового эксплуататорского общества в целом в отличие от начинающего свою историю нового мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «объективированный» см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 12, стр. 711.

² Ср.: В. С. Швырев. Анализ научного познания в современной «философии науки». — ВФ, 1971, № 12, стр. 110.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153, прим.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 112.

⁶ О. Гунпег. Neue Wege der Socialgeschichte. Hamburg, 1958.

⁷ А. Я. Гуревич в своей книге «Категории в представлении средневекового общества» (М., 1972, стр. 6.) оправдывает частично теорию Ранка за стремление определить сущность данного Geschehen «само по себе поскольку историку важно знать индивидуальное». Однако сущность методологии Ранке не в том, чтобы описывать событие (это делали и раньше!), а в сепаратизации Geschehen от глубоких причин, фактически от всей прошлой истории.

⁸ Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры. М., 1969, стр. 120—127.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 337.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 181.

¹¹ Римское право считает совершенно естественным, что люди в деловых связях *emptio-venditio* и *locatio-conductio*, при купле-продаже, найме, аренде, и подрядах стараются друг друга «ловко обойти»... Дигесты, IV, 4, 16, 4 и XIX, 2, 22, 3.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 731—732.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 282, прим.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 183.

¹⁵ Там же, стр. 179.

¹⁶ К. А. Wittfogel. *Die orientalische Despotie. Eine Untersuchung totaler Macht.* Berlin, 1962.

¹⁷ J. H. Elliott. *Revolution and Continuity in Early Modern Europe. Past and Present.* № 42. 1960:

¹⁸ Проблемы истории докапиталистических формаций. Кн. I. М., 1968, стр. 638—671.

¹⁹ Там же, стр. 670. О борьбе партий в древности у В. И. Ленина см.: Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

²⁰ Например, реформы Солона сравниваются с французской революцией. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 114—115; борьба первоначального христианства — с социалистическим движением новой истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 732; т. 21, стр. 8; т. 22, стр. 467, 470, 481.

²¹ См., напр.: ВДИ, 1970, № 2, стр. 8.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 120.